

Вершигора Петр Петрович
Отрывок из книги «Люди с чистой совестью»

Книга первая. Рейд за Днепр
Часть первая

1

Война для меня началась на крышах киевской киностудии, в которой мастера украинского кино создали ряд выдающихся фильмов. Несколько десятков гектаров земли, засаженных фруктовыми деревьями, чудесные аллеи, а в центре - оригинальное здание из красного и желтого кирпича с четырьмя башнями по углам. В этой студии я работал режиссером.

На четвертый день войны, когда я дежурил на одной из башен, над студией пролетели первые двадцать черных самолетов.

Это было в среду 25 июня в 9 часов утра. Самолеты шли бомбить авиазавод, находившийся недалеко от студии. Военные познания мои были очень невелики, и я не знал, что если бомбы отрываются от самолета над твоей головой, то личная опасность миновала. А бомбы, предназначенные для авиазавода, сбрасывались гитлеровскими летчиками как раз над моей головой. По телефону, который был проведен к моей вышке, я прокричал на командный пункт какие-то торжественные слова, вроде: погибаю, мол, но не сдаюсь, - и упал лицом вниз, ожидая смерти.

Вероятно, я тогда всерьез верил, что именно от моего поста на крыше многое зависит в ходе военных действий, а то и во всей войне.

Далее мои военные похождения продолжались в Полтаве, на футбольном поле стадиона, где в спешном порядке формировалась 264-я стрелковая дивизия приписных.

Месяца через два, отступая, я поднял на мостовой книгу Хемингуэя, выброшенную взрывной волной из библиотеки районо. Перелистывая страницы, я нашел в ней слова, которые показались мне тогда подлинной и обнаженной "правдой" войны:

"Кадровые офицеры нужны для парадов, а когда нужно лежать в окопах и стрелять, то это делают купцы, бухгалтера, учителя, музыканты и дантисты".

Прочитал и задумался. "Бухгалтера? Тоже нашел вояк!" Но вот в своем взводе я обнаружил двух кооператоров. А когда пригляделся поближе, то увидел, что дивизия, наспех сформированная на полтавском стадионе, состояла из дантистов, продавцов, дворников, учителей и артистов города Киева.

В последних числах июля поезд десять часов мчал нас из Полтавы и на рассвете подвез к Днепру, к затерянной в песках левобережья станции Леплява.

На нас были новенькие гимнастерки. Тут же, на станции, выдали нам блестящие свежим воронением и маслом полуавтоматические винтовки.

Выгрузившись из вагонов, мы впервые ощутили близость фронта: высоко вверх кружились тогда мне совершенно неизвестные, а затем изрядно надоевшие за войну стрекозы - немецкие корректировщики. Через сутки, нагруженные скатками, гранатами, котелками, мы переправились через Днепр и, пройдя еще километров двадцать на запад, через село Степанцы вышли на передовую. Шли быстрым маршем, иногда переходя на рысь. Солдатские штаны, придерживаемые брезентовым пояском, не держались на животе и все время сползали, скатка развязывалась и терла шею, котелок стучался о винтовку, пот заливал лицо. Впереди явственно ухала артиллерия, слышались разрывы мин, переговаривались пулеметы. Ноги потерлись и болели, к горлу подступала злость. Позади были картины эвакуации Киева и других городов Украины, на которую гитлеровцы обрушили удары авиации и механизированных дивизий.

Наша дивизия занимала по фронту километров шесть, перекрывая важную дорогу. Я начал боевую карьеру в должности помощника командира взвода. Вернее говоря, вначале у меня была более почтенная должность интенданта полка. Но на столь высоком посту я удержался всего лишь два часа.

Дело происходило еще на полтавском стадионе. Бравый вояка, подполковник Макаров, формируя свой полк, выстроил командный состав и молниеносно распределил: ты будешь командовать такой-то ротой, ты такой-то и так далее, но очутился в тупике, когда понадобилось найти интенданта. Он почему-то был убежден, что командовать могут всякие люди, но интендантом способен быть только очень грамотный человек.

Распределив всех по должностям, он еще раз выстроил в шеренгу командиров и стал справляться об их образовании. Узнав, что я окончил театральный институт, а затем киноакадемию, он, нимало не смущаясь тем, что оба эти учебные заведения не имели никакого отношения ни к военному, ни к хозяйственному делу, сразу же решил, что я сущий клад для полка и могу быть отличным интендантом. Подполковник с ходу дал мне задание получить селедку на весь полк. 82 грамма селедки полагалось на бойца, 985 бойцов имелось в наличии. Селедок я получил 688 штук. На досках мы разложили селедки. Передо мною, словно солдаты в строю, выстроились блестящие злые рыбины, а я стоял над ними и ломал себе голову, как разделить их по справедливости. Взвешивая по 82 грамма этих проклятых селедок, мы столкнулись с проблемой дележки голов и хвостов. От каждой порции приходилось отрезать либо то, либо другое. Одним доставалась наиболее вкусная часть, другим же - сплошные хвосты и головы. Словом, от должности начхоза я был немедленно отставлен. Командир полка хотел отправить меня в глубокий тыл, весьма смущенный моей непригодностью к интендантским обязанностям.

- Ну куда я тебя дену? Военное образование у тебя есть? Действительно служил?

- Служил, барабанщиком, - угрюмо ответил я.

Командир беспомощно развел руками. Через день, с некоторым стеснением, он назначил меня на должность помощника командира взвода.

Три года спустя, командуя партизанской дивизией, как-то на вечере воспоминаний я рассказал партизанам о своей первой военной проблеме дележе селедок; старшина хозяйственной части Саша Зиберглейт укоризненно сказал:

- Ай-яй-яй, товарищ генерал, как же можно было так решать? Нужно была дать каждому по полселедки, потом дать добавку по голове или хвосту, и у вас еще осталось бы сто - двести порций резерва...

Только тогда я понял, что не родился интендантом.

Но вернемся к селу Степанцы, метрах в трехстах от которого - на свекловичном поле - занимала оборону еще ничем себя не прославившая 264-я дивизия.

Это было на рассвете 2 августа 1941 года. Мы выкопали окопчики. Некоторые из них были начаты какими-то нашими предшественниками. Полк наш прибыл в Степанцы накануне, и, как полагается перед боем, нас маленькими группами отправляли в садик, где политрук читал нам присягу и мы подписывали ее.

Я, помню, страшно сконфузился, когда, принимая присягу, механически взял под козырек, забыв, что в левой руке у меня винтовка и козырять в таком положении не полагается. Политрук укоризненно покачал головой:

- Э-эх, товарищ помкомвзвода!

В первые дни мне часто приходилось краснеть из-за всех этих штатских промахов.

Немцы словно следили за нами: как только мы заняли оборону и окопались, началась артподготовка. Должен признаться, что артиллерийскую подготовку, первую в своей жизни, я не выдержал. Когда противник открыл сильный огонь, я задом вылез из индивидуального окопчика и непонятно каким образом очутился где-то посреди поля, очевидно выбирая свой "командный пункт" поближе к деревне.

В жизни каждого солдата есть такой кризисный момент, когда решается его судьба в войне. Как он будет в ней участвовать: как трус, или как бесшабашный храбрец, или просто как честный человек.

Вот такой кризисный момент был и у меня в моем первом бою.

Отправляясь на свой КП по широкой дороге, которая шла среди свекловичной плантации, и все более набирая ход, я увидел в глубокой и очень узкой яме голову уже знакомого мне политрука. Высунувшись, он сказал мне:

- Э-эх, товарищ помкомвзвода, а я на вас надеялся больше, чем на кого-нибудь другого. Вы же все-таки человек сознательный.

В это время батарея вражеских полковых минометов опять возобновила беглый огонь, обрабатывая наш передний край. Я очутился в канавке, которую колхозники вырыли для предохранения свеклы от совки. Помню, что мне было очень трудно втискивать свое режиссерское брюшко в эту узкую канавку. Но как-то я все-таки в ней устроился. Минут через десять

немцы начали атаку. Сбоку нас стали обходить автоматчики. Кто-то из бойцов нашего взвода крикнул:

- Командира убили!

И тут я понял, что мое место вместе со взводом, но вдруг увидел, что взвод поднялся со своих мест и улепetyвает через свекловичное поле.

В этот момент я увидел первого немца.

Одна автоматная очередь прошла очень близко возле меня. Разрывные пули защелкали рядом по свекольной ботве. Немец, молодой парень в самодельном камуфляжном костюме из листьев, привязанных к плащ-палатке, с автоматом в руках подползал ко мне. Очевидно, запасную обойму он держал в зубах. Мне тогда показалось, что это кинжал или вообще что-то страшное. Но немец не замечал меня. Он стал обстреливать наш бегущий взвод, и я увидел двух или трех упавших бойцов. Я взглянул на место, где должен был находиться политрук. Его там не было. У меня мелькнула мысль: "На войне нельзя бегать. Даже отступать нужно лицом к врагу". Один автоматчик на моих глазах расстреливал целый взвод спин. Когда немец находился уже в нескольких шагах от меня, я вспомнил, что являюсь командиром этого взвода, так как командир убит.

В бою бывают моменты, когда сознание уходит. Должен сказать, что и в последующих боях мне приходилось испытывать подобное состояние. Вот и в этот первый мой бой я не помню, что именно было со мной дальше. Только помню, что гитлеровский автоматчик лежал мертвый, а я стоял около него. Но и сейчас я не уверен до конца, что это я его убил. Опомнившись только тогда, когда немец стал трупом, я взял его автомат, мой первый трофей, догнал взвод и заставил людей подчиниться себе. Приказал им залечь, отстреливаться, затем по команде отходить, опять ложиться и опять стрелять. Так продолжалось, может быть, всего несколько минут, нужных нам для того, чтобы пробежать сто - сто пятьдесят метров и забраться в окопы, которые находились на краю села.

Мы засели в окопах и начали томительный, однообразный оборонительный бой, который по существу является перестрелкой.

Что еще запомнилось мне в первом бою? Какие-то люди на свекловичном поле, подняв руки, двигались по направлению к вражеским пулеметчикам, которые тоже поднялись с земли и шли навстречу. Этих людей было пятеро. Немец был один, далеко позади плелся его второй номер. Решение пришло само собой. Я скомандовал "огонь" взводу, который уже полностью подчинялся мне, и одним залпом из нескольких ручных пулеметов и винтовок мы скосили их всех: и тех, кто хотел сдаться, и тех, кто собирался брать пленных.

Так окончился мой первый бой. Еще две детали, которые остались в памяти после боя: звон в ушах от бесконечных выстрелов и страшная жажда.

Мы заняли оборону в окопах. Наступила ночь. Я выставил караулы и наблюдение. Свободные бойцы, свалившись от усталости на дно окопов, спали. Я не мог уснуть, и вот именно тогда, ночью, я понял, до конца

осознал, что на войне нельзя показывать врагу спину. Солдат, показывающий врагу спину, вызывает у противника уверенность в победе и, кроме того, служит прекрасной мишенью.

Утром мы много толковали об этом с бойцами, и в следующих боях, которые происходили каждый день, я увидел, что бойцы действительно поняли меня по-настоящему...

Это была ночь на 3 августа 1941 года.

В эту ночь в Москве, под гром зениток, отражавших воздушный налет немцев на столицу, родился мой сын Евгений.

2

Бои на окраинах села Степанцы становились с каждым днем все сильнее и ожесточеннее. За несколько дней было не менее десятка жестоких схваток и бесчисленное количество мелких стычек; мне приходилось принимать в них участие, и я уже чувствовал себя старым солдатом. Взвод, над которым я принял команду в первые дни боев, сильно поредел, так же как роты и батальон. В течение нескольких дней я успел пройти практический стаж командования взводом, затем ротой, поработал в штабе батальона, потом опять командовал ротой, а на десятый день боев командовал батальоном. Мы стояли в обороне все на одном и том же месте; отвозили в тыл раненых, вокруг нашей обороны выросло много свежих могильных холмов. У самой дороги, возле штаба батальона, была могила политрука, который сделал меня солдатом.

В первом, особенно памятном для меня бою я потерял политрука из виду и только после окончания боя узнал, что бойцы видели его на свекловичном поле. Он был ранен в горло. Ночью мы - несколько человек - переползли на это место и нашли его уже мертвым. Отнесли назад, за передовую линию, и похоронили.

Батальоном мне пришлось командовать после четырех командиров, сменившихся за эти несколько дней. Он состоял из сотни бойцов, закалившихся в беспрерывных боях.

Наша оборона располагалась вправо и влево от магистральной дороги, ведущей от станции Мироновка к переправам через Днепр возле Канева. Мироновка была в руках у немцев. Канев - у нас. Наш батальон перекрывал эту дорогу. Вдоль ее противник вел ожесточенное наступление.

Приняв батальон, я сразу перевел его штаб и свой командный пункт в крайний дом села Степанцы. Я думал, что если штаб будет в стороне от дороги, бойцы поймут это как стремление начальства остаться в стороне от оси наступления противника. Перевод штаба - простой маневр - вселил в бойцов уверенность. Люди увидели, что командование не собирается отдавать дорогу противнику, будет стоять здесь вместе с ними и с дороги не уйдет.

Но я тогда был всего только немножко смелым солдатом и подсознательно понимал, что я еще не командир, а учиться уже поздно. Учиться нужно было раньше...

Когда после пятидневных боев немцы усилили нажим, направляя свой удар вначале по флангам, а затем по центру, туда, где стоял мой батальон, часть дивизии стихийно снялась и начала отступать к Каневу, а затем по инерции добежала до самой переправы на Днепре. Потерялись связь и управление, началась неразбериха, которая часто заканчивается паникой.

Люди вынужденно скапливались в узком горлышке переправы через Днепр. Среди командования нашелся твердый человек, который собрал большую часть бежавших, привел их в порядок, построил, расстрелял перед строем нескольких паникеров. Этого оказалось достаточно, чтобы бежавшие вернулись на свое место.

А в это время гитлеровцы нажимали исключительно на наш батальон. Более суток мы держали оборону, не подозревая, что, отклонись противник всего на километр в сторону, мы оказались бы в его тылу.

Мне, как и многим солдатам, не имевшим тогда достаточного боевого опыта и плохо знавшим врага, еще непонятна была эта черта тупой немецкой тактики. Через полтора года мы узнали, что "...немцы аккуратны и точны в своих действиях, когда обстановка позволяет осуществлять требования устава. В этом их сила. Немцы становятся беспомощными, когда обстановка усложняется и начинает "не соответствовать" тому или иному параграфу устава, требуя принятия самостоятельного решения, не предусмотренного уставом. В этом их основная слабость".

Именно этот эпизод, как и многие другие из боевой практики моих товарищей, вспомнился мне тогда. Вероятно, в эти первые боевые дни так же поняли врага - его сильные и слабые стороны - миллионы советских людей, солдат и офицеров.

Но тогда, в августе 1941 года, по своей наивности новоиспеченного солдата и командира, я и не подозревал, что для того, чтобы вести войну, надо знать не только то, что делается впереди тебя, но и то, что делается справа, слева и сзади.

А немцы перли только в лоб.

Наш батальон, отстоявший дорогу, отбивший все атаки гитлеровцев, отвели на отдых в село Степанцы. Первое, что вспоминается об этих часах отдыха, - это походная кухня и котел, в котором закипал самый настоящий чай. У нашего старшины было много сахара. Чай напоминал какую-то странную жидкую кашу, но я наверняка знаю, что никогда в жизни не пил напитка чудеснее. Вероятно, я выпил десяток кружек чаю и хотел завалиться отдыхать после шести или семи суток боев. В эти дни приходилось спать только стоя, прислонившись спиной к стенке окопа, есть размоченный в луже кусок сухаря и быть в положении худшем, чем любой солдат: в те дни у меня уже просыпалось первое чувство командира, чувство ответственности за жизнь людей, которыми ты командуешь.

Я и сейчас убежден, что самой главной чертой командирского дела является вот это чувство ответственности. Техника, грамотность, военная тренировка - всему этому можно научиться. Но без чувства ответственности перед своей совестью командир никогда не будет настоящим руководителем боя. Он будет только ремесленником военного дела.

И вот, когда счет выпитых кружек чаю дошел примерно до десяти, наше чаепитие было прервано налетом гитлеровской авиации. Немцы нащупали штаб дивизии и бросили на его бомбежку несколько десятков самолетов. Все быстро рассредоточились, и я оказался в ближайшем огороде.

Недалеко от меня, в кабачках, лежала женщина, одетая в ярко-красное бархатное платье. В тот момент, когда в воздухе надоедливо выли и падали бомбы, женщина делала какие-то странные движения. Она производила впечатление человека, корчащегося от боли, умирающего от ран. Но вот одна бомба упала на площади села, другая зажгла дом. Я подумал, что мне надо ретироваться куда-то с огорода, но налет кончился, и я увидел, что кухня с нашим замечательным чаем была разворочена прямым попаданием бомбы. Я стоял и издали смотрел на кухню. Рядом потрескивал горящий дом, кричали бабы, бегали дети, санитары пронесли раненого красноармейца. Посреди всего этого очень странной показалась мне женщина в красном платье, с черными, как смоль, волосами. Она медленно вышла из огорода, отряхнула платье и, оглядываясь по сторонам, стала переходить через площадь. Навстречу ей из переулочка шел красноармеец с русской винтовкой и штыком. Подойдя к обломкам кухни, он остановился. Туда же пошла и женщина в красном платье. Они о чем-то пошептались, затем красноармеец глянул на нее, как-то криво улыбнулся и вскинул винтовку на плечо. Заметив меня, красноармеец ласково обнял женщину за талию. Потом они разошлись в разные стороны. В этой сцене было что-то фальшивое. Но в чем дело, я сразу не мог понять. Лишь внимательно вглядевшись, я увидел из-под черных волос женщины часть стриженного затылка блондина. Я крикнул:

- Стой!

"Женщина" оглянулась и сразу бросилась бежать. Я поднял винтовку и прицелился в нее. Ко мне подскочил "красноармеец" и ударом под локоть сбил винтовку в момент выстрела. "Женщина", услышав выстрел, прибавила шагу, а затем, задрвав юбку, поскакала галопом. Мы схватились с парнем, мне удалось стиснуть ему горло. Мы покатались в песок. Подбежали бойцы. Разняли нас. Выяснилось, что парень в красноармейской форме и женщина в красном платье - фашистские агенты-разведчики. Парень показал, где была спрятана его рация. Он вызывал самолеты. "Женщина" во время налета различными условными фигурами в своем ярко-красном платье указывала направление бомбежки.

После этого случая я, в ходе войны, начал смутно, изнутри понимать, что война - сложный механизм. Это я знал и раньше из книг и газет, но

понимать по-настоящему стал только в дни августа 1941 года. В те несколько дней я понял, что не только храбростью и удачью воюют люди, но и умением. Понял, что, командуя батальоном, нельзя надеяться на то, что тебя вывезет твоя военная безграмотность. Это может случиться раз в жизни. Нужно знать, что война идет не только в окопах, не только в воздухе. Война не ограничена той узкой полосой, где противники скрещивают оружие, - она нередко забирается и в тылы войск, где части отдыхают после боев или готовятся к новым сражениям.

Немецкий агент в красном платье удрал. Но с этого момента я стал остро вспоминать все читанные мною до войны детективные романы, стал интересоваться всевозможными специфическими эпизодами, анекдотами.

Я стал интересоваться разведкой во всех ее формах.